

Look before you leap. Не зная броду, не суйся в воду. Know what to expect before you connect. Знай, что тебя ожидает, прежде чем подключиться, т.е. четко определяй свои цели, прежде чем начать работу. Наблюдается замена: «Look» – «Know what to expect» и «leap» – «connect». Более того, в пословице – варианте создается рифмованная структура, что характерно для многих пословиц «expect» – «connect», в сочетании с ассонансом и аллитерацией. Смысл пословицы – источника, а также форма глагола в повелительном наклонении сохранены, но изменена структура предложения.

К третьей группе относятся пословицы, в которых происходит замена существительных:

Don't put all your eggs into one basket. Не складывай все яйца в одну корзину. Don't put all your hypes in one home page. Не складывай все свои гиперссылки на одну исходную страницу, т.е. выбирай только самое нужное, чтобы не запутаться. В данном афоризме четко просматривается пословица источник, при полном сохранении синтаксической структуры, отрицательной формы повелительного наклонения изменены только два знаменательных компонента на знаменательные же «eggs» на «hypes» и «basket» на «home page». Можно считать данное высказывание частным случаем исходной пословицы, имеющей смысл: не рискуйте своим благополучием, ставя его в зависимость от одного дела.

You can't teach an old dog new tricks. Старую собаку новым фокусам не научишь. You can't teach a new mouse old clicks. Новую мышшь старым щелчкам не научишь, т.е. всегда приходится приспосабливаться к новому оборудованию. Наблюдается замена знаменательных компонентов на знаменательные, принадлежащие к одной и той же части речи: «dog» – «mouse», «tricks» – «clicks», причем последняя сопровождается ассонансом и аллитерацией «Mouse» означает здесь компьютерную мышшь. Если бы пословица – новообразование звучала как You can't teach an old mouse new clicks, то она представляла бы собой вариант пословицы – источника, инверсия семантико-синтаксической структуры приводит к возникновению нового смысла.

Проведенный анализ позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Понимание пословиц – новообразований получателем информации предполагает в качестве обязательного условия владение паремиологическим минимумом английского языка.

2. Пословицы, образующиеся в регистре компьютерного дискурса, в основном, при неизменной грамматической структуре, заменяют лексические компоненты соответствующими терминами, сохраняя общую смысловую нагрузку пословицы – инварианта.

Источники и литература

1. Исследования по лексикологии и фразеологии. – Минск, 1976.
2. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – М., 1961; Филицына В.П. О пословицах и поговорках как материале фразеологического словаря. В кн.: Проблемы фразеологии. – М – Л., 1964. – с. 78.
3. Кунин А.В. Английская фразеология. – М., Высшая школа, 1970. – С.237
4. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М., 1998. – С.11.
5. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. В кн.: Лексикология и лексикография. – М., 1977.
6. См.: Камбарова З.А. Актуализация фразеологических единиц в языке английской газеты. – М., 1977; Хардина М.В. Окказиональное использование фразеологических единиц с целью создания комического эффекта. – М., 1978.
7. См.: Вяльцева С.И. Речевое использование английских пословиц. – М., 1977; Ненина Р.Н. Стилистическое использование ФЕ в английской разговорной речи. – М., 1973.
8. Woodbridge V. Computer Proverbs / [http:// www.netfunny.com/rhf/ jokes/ 98/ Jun/ proverbs/ html/](http://www.netfunny.com/rhf/jokes/98/Jun/proverbs/html/)

Шевчук О.С.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЛЮЗИИ В РАННЕЙ ЛИРИКЕ У.Б. ЙЕЙТСА

Ирландский поэт, драматург и прозаик Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) является величайшим англоязычным поэтом XX столетия и одним из создателей современной поэтической драмы. Ему принадлежит слава лидера Кельтского Возрождения в Ирландии. Поэзию Йейтса отличает необычная образность и музыкальность, его сборники ирландских легенд и сказаний можно без преувеличения назвать поэмами в прозе, а его прозаические произведения поражают глубиной и изощренностью мысли окрашенной высокой поэзией. Он вдохнул новую жизнь в древние героические кельтские мифы, и принимал участие в борьбе за независимость Ирландии.

Актуальность темы данного исследования определяется, с одной стороны, углублением интереса к явлению аллюзии как таковому, отсутствием апробированной методики интерпретации аллюзий в художественном тексте, а с другой – важностью выявления аллюзивной природы ранней лирики У.Б. Йейтса [1, с. 1].

Научная новизна работы заключается в том, что анализ структурно-семантических и функциональных признаков аллюзии проводится именно на материале лирики Йейтса, а также в том, что восполняется определённый пробел в изучении произведений ирландского поэта именно в этом аспекте. Аллюзия рассматривается нами в рамках произведений одного автора в определённый период творчества. Вопрос о функциях аллюзии в разных контекстах лирического произведения остаётся наименее исследованным в современном литературоведении.

Целью работы является определение специфики функционирования аллюзий на кельтский эпос в ранней лирике У.Б. Йейтса. В данной статье предпринята попытка охарактеризовать и проанализировать основные типы аллюзий, представленные в ранних произведениях У.Б. Йейтса, определить цель их употребления, выделить наиболее часто используемый вид аллюзий и выяснить степень информативности аллюзии.

При проведении исследования использовались различные научные методы, а именно: культурно-исторический подход с элементами мифокритики, метод тщательного прочтения и метод стилистического анализа.

Известно, что слово “аллюзия” появляется во многих европейских языках уже в XVI веке, но, несмотря на давнюю традицию использования термина “аллюзия” в зарубежном языкознании и литературоведении, само явление, им обозначаемое, начинает активно изучаться лишь в конце XX века. Проблема аллюзии разрабатывалась как в лингвистике: в теории референции, истории языка, прагматике (Гюббенет И.В., Мамаева О.Г., Машкова Л.О., Полубиченко Л.В., Федосюк М.Ю. и др.), так и в литературоведении (С.Ю.Преображенский, М.Д. Тухарели, О.М.Тюпа) [1, с. 4].

Однако даже в устоявшихся определениях стилистического приема аллюзии отмечаются известные расхождения во взглядах на отдельные, частные его характеристики. Основное различие заключается в определениях границы тематической атрибуции аллюзивного факта. Так, указанные в определениях рамки, варьируются от возможности привлечения в качестве аллюзий ссылок на исторические события до использования также намеков, ссылок на эпизоды и персонажи литературных произведений, библейские мотивы и мифологические сюжеты [2, с. 83]. Например, интерпретация аллюзии «Я памятник воздвиг себе иной...» (И. Бродский) невозможна без установления связи не только с одой Горация, но и произведениями Александра Пушкина, Максима Рыльского, а также ранее написанным стихотворением самого Бродского [1, с. 6].

Литературная аллюзия (наряду с таким приёмом, как реминисценция) является средством создания межтекстовых связей, «намекающих» на некое событие, бывшее в действительности или вымышленное. Аллюзия также может функционировать как средство «расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических персонажей и событий на те, о которых идёт речь в данном высказывании». Как отмечает И.Р.Гальперин, в таком случае «аллюзия не восстанавливает хорошо известный образ, а извлекает из него дополнительную информацию» [3].

Аллюзия, таким образом, предстаёт как заимствование некоего элемента из инородного текста, служащее отсылкой к тексту-источнику, являющееся знаком ситуации, функционирующее как средство для отождествления определённых фиксированных характеристик [4].

Одной из важнейших составляющих художественного наследия деятелей англо-ирландской литературы первой половины XX века являются заимствования как в узком (совпадение текстовых фрагментов), так и в широком (переключка сюжетов, использование имен, названий, реминисценции любого рода) значениях. Сопоставление целостного текста и аллюзии выявляет способность последней функционировать как в качестве фрагментарно (локально), так и тематически значимого элемента литературного произведения. Тематически значимыми считаются аллюзии, формирующие доминантную тему произведения. Понятие доминанты произведения применяется для определения ведущей, главенствующей, семантически емкой мысли. В любом тексте существует подобный доминирующий момент, занимающий ведущее положение в раскрытии наиболее важной темы. Известно, что каждый автор отличается тем, кого он цитирует, аллюзии на какие события прошлого и современности он вводит в повествование. Так, в творчестве главы Ирландского литературного возрождения У.Б. Йейтса доминируют аллюзии на героев и события национального эпоса, национальной мифологии. Это касается как его поэтического наследия, так и его драматургии.

Следует отметить, что обращение Йейтса к образам национального фольклора, мифологии, как правило, ограничено рамками лишь одной культуры, что делает процесс полного декодирования авторского послания весьма затруднительным для широкой читательской аудитории, не принадлежащей к данной локальной культуре. Для избежания значительных смысловых потерь представляется целесообразным снабжать перевод отрезка текста, содержащего аллюзивную информацию, подробным переводческим комментарием. Рассмотрим в качестве примера отрывок из стихотворения У.Б.Йейтса “Тайная Роза” (“Secret Rose”):

“...Thy great leaves enfold
The ancient beards, the helms of ruby and gold
Of the crowned Magi; and the king whose eyes
Saw the Pierced Hands and Rood of elder rise
In druid vapour and make the torches dim;
Till vain frenzy awoke and he died; and him
Who met Fand walking among flaming dew
By a gray shore where the wind never blew,
And lost the world and Emer for a kiss...”

Данный фрагмент стихотворения насыщен аллюзивной информацией, связанной с упоминанием имен древних кельтских мифологических героев. Так, Фанд (её имя переводится как Жемчужина Красоты или Слеза) – богиня моря, супруга Мананнана – бога моря – считалась самой прекрасной из ирландских богинь.

Фанд впервые появляется в образе морской птицы в рассказе «Кухулин на одре болезни» (The Sickbed of Cúchulainn) из Ольстерского цикла. В своём птичьем облике она летает со стаей заколдованных птиц, которые попарно прикованы друг к другу серебряными цепями. Фанд летит вместе со своей сестрой впереди стаи, закованная в золотые цепи. Однажды другой ирландский герой – Кухулин – осмелился бросить камень в птиц, и он попал в крыло Фанд. В наказание за это птицы избили его кнутами, и он пролежал на берегу озера год, оправляясь от ран. Он соглашается помочь Фанд в борьбе с её врагами из потустороннего мира, и она его исцеляет. Сердце ирландского героя воспылало любовью к женщине из другого мира, и они становятся любовниками. Но их отношения продлились недолго, так как ревнивая жена Кухулина – Эмер – явилась к месту встречи в сопровождении пятидесяти девушек, вооружённых ножами, чтобы убить Фанд. Разгорелся спор между женщинами, одна из которых должна уступить. Фанд решила, что у Кухулина уже есть Эмер, а у Мананна нет никого, поэтому она вернулась к своему супругу.

Чтобы Фанд и ирландский герой больше никогда не встретились, владыка Другого Мира, потряс своим плащом между влюблёнными (плащ, символизировал море с его способностью отчуждать). Кухулин долго мучился, сгорая от любви к Фанд. Наконец, друиды дали Эмер и её супругу напиток забвения, и пара забыла об этом эпизоде в их жизни.

Эмер – жена ирландского героя Кухулина, обладающая шестью дарами: красотой, нежным голосом, сладкими словами, мудростью, рукоделием и непорочностью. Кухулин долго добивался её согласия выйти за него замуж, так как её можно было покорить не словами, а только благородными подвигами. Человек, за которого она согласится выйти замуж, должен добиться того, чтобы его имя было на устах у всех и упоминалось всякий раз, как только речь заходит о подвигах славных героев. Однако после столь благородного ухаживания Кухулин не сохранил верность невесте, руку которой он сумел завоевать [5, с. 156].

Очевидно, что рамки поэтического произведения не позволяют вывести на эксплицитный уровень всю фоновую информацию, содержащуюся в упомянутых именах собственных. К тому же, это далеко не всегда является необходимым. Таким образом, можно идентифицировать имя человека, скрывающегося под местоимением 'him': становится очевидным, что речь идёт об ирландском национальном герое – Кухулине.

Помимо мифологических, мы можем выделить в данном стихотворении ряд библейских аллюзий, обращённых к волхвам ('crowned Magi'), Понтию Пилату ('the king') и Иисусу Христу ('Pierced Hands and Rood').

Основной функцией как мифологической, так и библейской аллюзии в данном стихотворении является дополнительная образность для раскрытия значения центрального символа любви – Розы.

Известно, что в основу христианства положена любовь к себе, к ближнему и к Богу. Именно в Боге люди искали и ищут всеобъемлющую любовь, выходящую за рамки земного. Роза является связующим звеном между христианской традицией и ирландской мифологией, подводящим нас к мысли, что любовь – основа всего.

В другом стихотворении У.Б.Йейтса 'Песня скитальца Энгуса' ('The Song of Wandering Aengus') аллюзия также строится на упоминании имени собственного, но в этом случае оно вынесено в заголовок, и в тексте больше нигде не упоминается. Но при этом именно обращение к личному имени возрождает в памяти читателя известную легенду об Энгусе – ирландском боге любви – и позволяет проникнуть в глубинный смысл стихотворения. Легенда повествует о том, что Энгусу каждую ночь снится девушка-фея, но как только он пытается поприветствовать её, она исчезает. После долгих поисков Энгусу удаётся узнать, что таинственная девушка закована в золотые цепи на озере Пасти Дракона (озеро Лохнесс) в числе других ста сорока девяти девушек. Но тут бог любви узнаёт, что скоро все девушки превратятся в лебедей на год, и что только если он сможет узнать её в образе лебедя, он сможет на ней жениться. Он сразу узнал свою любимую и сам превратился в лебедя. Они улетели вместе и пели такую красивую песню, что все, кто её слышали, засыпали на три дня и три ночи [6].

Можно предположить, что Йейтс обращается к аллюзии на ирландского бога любви Энгуса с целью передать свои собственные чувства. Ни для кого не секрет, что поэт испытывал самые страстные чувства к Мод Гонн – женщине, которая была замужем за его близким знакомым. В стихотворении Йейтс упоминает «девушку, с яблоневым цветом в волосах» ("a glimmering girl with apple blossom in her hair"), что, по всей вероятности, является прямой ассоциацией с Мод Гонн. Дело в том, что Йейтс впервые увидел её, стоящую возле вазы с цветущими ветками яблони, и всегда ассоциировал яблоню с цветом её лица.

Стихотворение символизирует бесконечный поиск настоящей любви. И хотя попытка героя так и не увенчалась успехом, но всё-таки поиски кажутся завершёнными благодаря непоколебимому желанию автора достичь цели.

Представляется интересным проанализировать еще один случай употребления У.Б.Йейтсом аллюзивной информации в стихотворении 'Блаженные' ('The Blessed'):

"Cumhal called out, bending his head,
Till Dathi came and stood,
With a blink in his eyes at the cave mouth,
Between the wind and the wood..."

Стихотворение построено на диалоге между ирландским воином Кумхалом и языческим королём Датхи. В ирландской мифологии Кумхал (ранее Кумал) – сын Тремора – был предводителем армии фениев – Фианны – и отцом легендарного Финна Мак Кумхала. Фени (собираетельно: Фианна) – дружина воинов-охотников III века н. э., жившая в Ирландии вольным сообществом и предводительствуемая Финном Мак Кумалом (Финном, сыном Кумала), называемого также "королем фениев". Сообщество, или дружина

фениев, Фианна была своеобразным рыцарским орденом со своим уставом и регламентированной внутренней жизнью. Датхи – последний языческий верховный король Ирландии, именуемый так потому, что он был метким стрелком. Эти двое людей никак не связаны ни с исторической, ни с мифологической точки зрения. Но в данном стихотворении они объединены Розой – символом чего-то прекрасного, недосягаемого: возможно, гармонии, возможно, просветления:

‘O blessedness comes in the night and the day
 ‘And whither the wise heart knows;
 ‘And one has seen in the redness of wine
 ‘The Incorruptible Rose
 ‘That drowsily drops faint leaves on him
 ‘And the sweetness of desire...’

Можно предположить, что стихотворение обращено к теме борьбы христианства и язычества. Дело в том, что первоначально “Датхи” – вид ясеня, который ассоциировался с борьбой. Это дерево считалось музой поэтов, и, кроме того, последним деревом которое сбрасывает листья перед зимой. Датхи было одним из пяти священных деревьев Ирландии, которые приносили здоровье и оберегали от невзгод. Все эти деревья были вырублены христианами в 655 г. н.э. как символ победы над язычеством. Таким образом, можно связать два значения слова “Датхи”: последний король-язычник и языческое дерево. И в том, и в другом случае есть прямая связь с язычеством. В поклонении Розе тоже слышатся отголоски язычества, так как язычество основывалось на поклонении силам природы, животным, цветам. Датхи говорит Кумхалу: “Молись Богоматери, Богу молись” (‘Praise God and God’s mother...’). То есть король-язычник говорит воину о том, что он должен быть христианином. Таким образом, можно сделать вывод, что стихотворение является своеобразным гимном победы христианства над язычеством.

Как следует из приведенных выше примеров, культурное пространство произведений ирландского поэта и драматурга У.Б. Йейтса чрезвычайно многообразно: это национальная мифология, история и Библия. Таким образом, можно прийти к выводу, что наиболее часто употребляемый вид аллюзий в раннем творчестве У.Б. Йейтса – мифологические аллюзии из кельтского эпоса, которые особым образом организуют лирический сюжет и акцентируют его содержание.

Источники и литература

1. Абрамова Елена Юрьевна, Аллюзия в лирике: функциональный аспект (на материале поэтических произведений И.Бродского, А.Тарковского): Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Одесса, 1994. – 18 с.
2. Дронова Е.М. Проблема перевода стилистического приёма аллюзии в англо-ирландской литературе первой половины XX века //Вестник Воронежского государственного педагогического университета, серия “Лингвистика и межкультурная коммуникация”. – Воронеж, 2004. – № 1. – 56 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 110 с.
4. Черняева А.С. Интертекстуальность и аллюзия: проблема соотношения //Журнал межкультурной коммуникации. – Москва, 1998. – № 1. – 4 с.
5. Ireland’s Fairy Lore, rev. Michael P. Mahon, Thomas J.Flynn & Company, Boston, Mass. – 1919. – 178 p.
6. Роллестон Т. Мифы, легенды и предания кельтов. / Пер. с англ. Е. В. Глушко. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. – 349 с.